

— ЛЕО КОСТЫЛЕВ, президент МАПП —

ЩИТ МЕЧ

Я принял решение покинуть большую политику. Всё! Ухожу! Нет, политиком я никогда не был и не мог бы им стать, потому что «Платон мне друг, но истина дороже». Однако, как принято выражаться, я интересовался ею и считал важным для себя знать о политике так много, как это было возможно. Временами мне даже казалось, что политика влияет на мою жизнь, хотя иллюзию того, что моя жизнь может каким-либо образом влиять на политику, я утратил уже в подростковом возрасте. Будучи историком по первому образованию, я волей-неволей вынужден был изучать политику от самых её истоков и понимал уже давно, что она всегда была «грязным делом». Это проистекает из её сути. Ведь политика — это умение делать компромиссы, а там, где есть им место, не остаётся пространства для истины. В своё время я даже придумал специальный инструмент для оценки объективности политических решений. Графически его можно представить как окружность, в которую вписан крест, наподобие компаса, только вместо сторон света места «севера» и «юга» занимают «истина» и «ложь», а «запада» и «востока» — «наш» и «не наш». Каждый политик является выразителем интересов определённой группы, и, естественно, его решения всегда соответствуют им. То есть, главенствующим мотивом его деятельности является защита «наших». Отмечая каждое решение определённого политика на графике, все точки, конечно же, собираются в левой половине окружности, но основной интерес для исследователя представляет не горизонтальное, а вертикальное их расположение, которое, как раз, и свидетельствует о степени объективности. Надо заметить, что по сравнению с Древним Римом, решения более современных политиков komponуются гораздо ближе к нижнему левому сектору, не говоря уже о политиках наших дней. Если ещё в начале прошлого столетия в политике можно было отыскать выдающиеся личности (несмотря на сомнительную репутацию отрасли), то в последние пятьдесят лет такого уже не происходит. Я вижу одну

из главных причин этого в том, что мир полностью перешёл к рыночной модели экономики. Конечная цель которой — извлечение прибыли. Поэтому все явления жизни превращаются в коммерцию, а любые занятия людей — в профессию. Например, ещё совсем недавно спорт был увлечением и хобби, сегодня существует профессия «спортсмен» в глобальном масштабе. Не только футболисты и бегуны, но и шахматисты, и даже игроки в покер, для чего пришлось азартную игру объявить видом спорта! Музыка долгие века была способом выражения чувств музыканта, а сегодня она называется «шоу-бизнесом» и больше не является плодом вдохновения. Индустриальные методы пронизали все сферы нашей жизни, не оставив пространства для того, что делается не за деньги или другие формы компенсации, а просто так, нипочему, и не за что. Политика не является исключением. Несмотря на то, что для большинства политических должностей ещё сохраняется выборная система, как формальный маркер демократической формы правления, уже появляются потомственные политические деятели во втором, а в некоторых странах, и в третьем поколении. Во времена абсолютных монархий в Европе наследственной являлась лишь она должность в государстве — королевская, сегодня же таковыми становятся места министров и парламентариев, а ближе к Азии, и президентов. Так стоило ли проливать кровь за демократию, если она всего за двести лет привела к ещё более тесным формам управления государствами, чем абсолютизм?

Оттого и мой интерес к политике угас, что следить за действиями политиков-профессионалов стало неинтересно. Такой политик видит своей единственной задачей занятие максимально высокой должности и её удержание за собой. На заботы о государственных делах у него, как правило, не хватает времени. С другой стороны, это может даже противоречить его основной задаче удержания должности, так как может привести к принятию непопулярных решений. Поэтому и кризис в Европе, раз начавшись, всё никак не может закончиться. Никто из европейских политиков не желает принимать решений, которые могли бы негативно сказаться во время следующих выборов. «Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» — произносит «человек из подполья» у Достоевского. Вот такими «подпольными» стали и политики.

В России пока этого нет, но только потому, что здесь вообще в данное время не существует политики. Военные ни в какие времена не были сильны в этом деле, а уж советские полковники и подавно! Их политическое кредо символизирует знак их органов безопасности: щит, защищающий себя и «своих», и меч, карающий всех остальных.

The Shield and the Sword

Leo Kostylev, the IAPP LEADER magazine editor-in-chief, shares his thoughts about the big policy.